

ПРОКЛЯТИЕ КНЯЗЕЙ ЮСУПОВЫХ

И ныне многое остаётся непознанным в истории России. Среди всего прочего — история семьи Юсуповых. Хочется верить, что когда-нибудь все тайны этого величайшего рода, над которым на протяжении многих лет тяготело страшное проклятие, удастся приоткрыть хотя бы слегка...

Сара Блэйк «Юсуповы. Невероятная история»

Город Романов близ Ярославля, 1681 год. Конец марта... Утром на своём подворье сидел на крыльце дома татарский мурза Абдулла из рода Юсуповых и напряженно думал. Подумать было о чём, и думы в голову лезли одни только чёрные! Как же так, враз лишиться места при дворе московского государя, лишиться всего имущества, всех крепостных крестьян, всех земель и быть вместе со своими близкими высланным в Казань? Именно этим ему пригрозил московский Патриарх Иоаким!¹ Да как же такое возможно? Неужели все прошлые заслуги, все ратные подвиги, верная служба государям Руси Великой, сначала Алексею Михайловичу, а потом и его сыну Фёдору Алексеевичу — всё напрасно? Сражения с ляхами, османами, со своими братьями по крови крымскими татарами во славу русской короны — всё забыто? Быть такого не может!

Рядом, на подворье, неторопливо паслась стайка домашних гусей. Вожак стаи, старый гусак с большим хохолком на голове, неспешно, «барской рукой» управлял своими «подчинёнными». Если что было не по его, сразу же шипел, взмахивал крыльями и протягивал длинную шею в надежде ущипнуть обидчика. Более молодые гуси не желали связываться с вожаком и отходили на почтительное расстояние. В целом стая была спокойна и неторопливо щипала пробивавшуюся сквозь талый снег к весеннему солнцу зелёную травку.

«Угроза от патриарха Иоакима — не пустая болтовня, а реальный крах! Крах всех надежд, крах наследства, крах будущих потомков! А тут ещё гусь этот, будь он не ладен! Надо же было проболтаться так неосмотрительно! Получается, что гусь-то мне свинью подложил! Натуральную свинью, мясо которой — запрет для истинного мусульманина! Что же делать? Что предпринять? Как избежать царского гнева? Надо действовать! Пока не поздно!»

Подхватив с земли небольшое полено, Абдулла запустил им в вожака стаи:

— Пошёл прочь, шайтан!

¹ Патриарх Московский и всея Руси Иоаким (1674–1690), в миру Иван Петрович Савелов, Патриарх при русских царях Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче

Стая бурно загоготала, вожак зашипел и протянул шею в сторону мурзы!..

Неспешно встав и пойдя в дом, Абдулла готовился принять самое важное и самое неправильное решение в своей жизни! Решение, которое прямо будет влиять на его потомков и, в конце концов, многих из его рода сведёт в могилу! Вот как начиналась эта история!

Абдул-мурза был из древнего рода Юсуповых, которые вели свой род от бия Юсуф-паши Ногайского¹, друга и союзника самого Ивана Васильевича Грозного. После того, как Грозный взял Казань, Юсуф-паша направил своих сыновей Юнуса, Ибрагима и Эль-мурзу на ратную службу в Московское царство! Уговорил их служить русскому царю, предчувствуя свой близкий конец! После отъезда сыновей на Русь против Юсуф-паши состоялся заговор, который возглавил родной брат бия, военачальник Исмаил. В результате заговора Юсуф-паша был свергнут и убит. А как было не направить, не убедить сынов своих идти на русскую службу, когда любимая дочь Юсуфа, царица казанская Сююмбике вместе с внуком Утямышем оказалась в деснице русского царя Ивана? Не искушённой в дворцовых интригах оказалась казанская царица, «съела» её знать казанская, выдала в Москву на блюде! Простой народ, жители Казани, любили Сююмбике, а знать ненавидела! Все эти визирь, мурзы, князья, беки, беи – в глаза улыбались, а за глаза нож точили! Из-за чего и лишились своего ханства!

Сильно возвысились дети Юсуф-паши Ногайского при дворе русского царя, славно служили они русской короне! Эль-мурза Юсупов в 1558–1583 годах участвовал в Ливонской войне, его потомки владели городом Романовым близ Ярославля с 1614 года. Эль-мурза имел несколько сыновей: мурза Сеюш, мурза Бай и мурза Чин Юсуповы. Младшим сыном Сеюша Юсупова и был наш герой Абдул-мурза, гордый джигит и храбрый воин, верно служивший и проливавший кровь за царя Алексея Михайловича, бывший участником русско-польской войны 1654–1667 годов и русско-турецкой войны 1676–1681 годов. Почтенный отец семейства Юсуповых, мурза Сеюш, умер в 1656 году, в окружении детей и внуков отдал свою душу Аллаху.

Абдул-мурза с молодых лет был женат, жену звали Нурия. Нурия Юсупова была симпатичной большеглазой татаркой средних лет. Небольшого роста, ловкая от природы, гибкая, улыбчивая, она была настоящей хозяйкой в большом имении. Всё у неё горело в руках: и домашнее хозяйство, и шитьё, и стряпня, русские и татарские блюда. Кухней Нурия старалась заниматься сама, не любила привлекать дворовых крестьянок. Родом она была из Казани, а там, в Татарской слободе, всегда любили готовить разные супы, бешбармаки, выпечку, мясные и сладкие блюда.

У Абдул-мурзы и Нурии была дочь Румия, подросток, нескладная, немного угловатая девчужка, тихая и застенчивая, впрочем, достаточно умная и сообразительная. Больше Аллах детей Абдул-мурзе и Нурии не дал. Почему? Да кто же это знает? Как говорится, Аллах даёт и Аллах забирает, все судьбы в руках Всевышнего! Абдул-мурза любил дочку, ничего не жалел для неё, но, конечно же, втайне он желал сына, или нескольких сыновей, молодых джигитов, продолжателей славной фамилии.

Абдул-мурза вспоминал вчерашний вечер, когда он так неудачно поужинал с Патриархом Московским и всея Руси Иоакимом. На дворе стоял март, у православных заканчивался Великий пост и близилась Пасха. На улице днём было уже достаточно тепло, на деревьях набухли почки, а под вечер на город опускался ещё по-зимнему веявший, пронизывающий холодок. В такой-то вечер после затяжной торжественной службы в местном храме на Благовещение Пресвятой Богородицы и прибыл

1 Бий Юсуф-паша Ногайский – основатель рода Юсуповых, правитель Ногайской Орды (1549–1554), современник Ивана Грозного, отец последней казанской царицы Сююмбике

в резиденцию Абдуллы Юсупова по приглашению хозяина патриарх. Вначале радушный мурза предложил Иоакиму отведать прохладительных напитков, кваса, морса из лесных ягод, а потом уже дорожному гостю подали и жаркое. Жаркое было остренькое, румянистое, сочное, с поджаренной корочкой, прямо пальчики оближешь! Оно настолько понравилось гостю, что он обязательно захотел увидеть повара, который столь искусно приготовил к столу такую вкусную рыбу?!

Здесь-то Абдулле и надо было промолчать! Но откуда мусульманину знать все обычаи, все тонкости русского православия! Абдулла возьми да и скажи:

— О, мой дорогой гость, ради которого накрыт этот стол и ради которого я готов пожертвовать самой жизнью, на этот раз ошибается! Перед нами на наших блюдах — не рыба, а самый настоящий гусь!!!

Здесь патриарх Иоаким сперва поперхнулся и непроизвольно кашлянул, а потом изменился в лице и закричал:

— Ты, Абдул-мурза, над кем смеяться вздумал — над Патриархом Московским, самого Великого Государя первейшим помощником и соправителем? Разве ты не знаешь, поганец, что сегодня Благовещение, время Великого Поста, да к тому же пятница — постный день?! В пятницу все православные христиане вспоминают крестные страдания Господа нашего Иисуса Христа и обязаны поститься! Как писали святые отцы — кто не постится в среду и в пятницу, да будет извержен из тела Церкви Христовой! А ты, богохульник, меня в постный день мясом гусиным накормил! Я-то ел, смаковал, думал рыба лежит на сковородке, рыбу-то можно! Так-то ты, мурза, моё хорошее отношение к себе ценишь?! Да я на тебя Государю нашему Федору Алексеевичу пожалуюсь! Попрошу, чтобы тебя всего имущества лишили да на Восток выслали, в Казань, а то и в Уфу, или подальше куда! Некрещённых башкир да черемисов по лесам гонять! Откуда ты пришёл — там же и окажешься, чёрт медноголовый!

— Тимошка, — окликнул патриарх стоящего за дверью служку, — а ну-ка, подай мне сутану и посох! Да свистни ямщика нашего! Домой, на Москву поедем!

Посохом же патриарх отодвинул пытающегося задержать его Абдуллу!

— Прочь, пошёл прочь, окаанный! Ноги моей теперь у тебя на подворье не будет! У государя увидимся!

С этими словами раздосадованный, обозлённый московский патриарх Иоаким вышел прочь с подворья Юсуповых, оставив растерянного хозяина посреди большого двора.

* * *

Суров был по характеру Патриарх Московский и Всея Руси Иоаким, суров и жестокосерден, многое в жизни прошёл, многое повидал, многое преодолел...Большое горе видел, которое закалило его и сделало крепче самого крепкого камня. Упрям был, на своём стоял, возражений не терпел, истинный наследник упрямого мордвина, патриарх Никона¹.

Патриарх Иоаким (в миру — Иван Савёлов) происходил из семьи мелкопоместных Можайских вельмож. Пращуры Иоакима издревле служили при дворе российских царей по охотничьему делу — сокольниками да кречетниками. Особенно знатным сокольником был дед, тоже Иван — Иван Софронович по прозвищу Осенний, слава о нём шла и после его смерти. Умел он и за птицами ухаживать, и угождать на охотах

1 Патриарх Московский и всея Руси Никон (1652–1666), в миру Никита Минич Минин, Патриарх при царе Алексее Михайловиче, автор церковной реформы, приведшей к расколу в Православной церкви. В последние годы жизни попал в опалу и находился в ссылке в разных монастырях

да на пирах самодержцам московским, ценили они Ивана Софроновича. С рождения у будущего патриарха было трое братьев и две сестры.

В 1650 году, при царе Алексее Михайловиче, Иван поступил в русскую армию. Говорили родственники Ивановы — через армейскую службу можно высоко подняться и при дворе достойное место найти. Поэтому оставил в Можайске жену с детьми Иван и прибыл в Рейтарский приказ. Царь Алексей Михайлович, прозванный Тишайшим, решил реформировать стрелецкие полки на западный манер, для чего призвал на службу немцев и голландцев. Мол, армия у них современная, солдаты справные, латы блестящие, оружие надёжное как ближнего, так и дальнего боя, пистолы и пищажи! Не все на Руси восприняли это благостно. Ведь били, били наши доморощенные стрельцы и ливонцев, и ляхов, и крымских татар, и наёмников из дальних государств Европы. Но царская рука — владыка! Новобранец Иван Савёлов прибыл на рейтарскую службу в полк голландца Исаака ван Босховена, которому вменялось в обязанность построение конных армейских частей «нового строя» — драгунских и рейтарских полков.

Служил Родине будущий патриарх хорошо. Осенью 1653 года в числе особо отличившихся рейтар Иван Савёлов получил свой первый офицерский чин — поручика. В эти годы решил царь Алексей Михайлович ливонцев с поляками потеснить да Украину к Московскому царству присоединить. В ноябре 1653 года молодой офицер оставил конную службу и прибыл в пеший солдатский полк полковника Юрия Гутцина, сформированный на юге Российского государства для защиты новых рубежей. В феврале 1654 года полк Гутцина вступил в Киев и остался там до начала лета следующего года, составив основу городского гарнизона. В марте 1654 года Ивану был присвоен чин капитана. Во второй половине июня 1655 года солдаты Юрия Гутцина покинули казармы в Киеве, а уже в июле участвовали в составе армии боярина Василия Бутурлина в боях против Королевства Польского на территории Украины.

Что подвигает людей к вере? Или большая радость, грандиозная удача, которая раз в жизни выпадает — спасение жизни, внезапное обогащение, возможность сосредоточенного уединения, благостное упоение от молитв и общения с Богом! Или огромное, нечеловеческое горе, которое и выдержать-то может не каждый! В 1655 году, будучи на службе, капитан Иван Савёлов получил трагическое известие из Можайска о скоропостижной кончине своей жены и четверых детишек, двух сыновей и двух дочек, от чумной заразы¹. Чума, обычно бушевавшая и косившая народ в Европе, в этот раз докатилась и до русских земель. Страшное то было горе для Ивана, он как-то вмиг постарел и осунулся, ссутулился, как будто прибавил себе лет двадцать!

Будучи с молодых лет верующим, Иван понимал — бесполезно роптать на Бога! Чем роптать, лучше ему служить! Цветущий, полный сил тридцатипятилетний офицер русской армии Иван Савёлов решил оставить службу и постричься в монахи в киевском Спасо-Преображенском монастыре с именем Иоаким. Плакал и полз по монастырскому полу Иван, полз на пострижении перед монастырской братией, не стесняясь своих жгучих слез, отрекаясь от прежней, мирской жизни! Трижды подавал отцу-настоятелю ножницы для пострига, отрекаясь от греха, от воинской службы, от светских утех и радостей! Новым человеком родился после пострига, с новым именем и новой судьбой! Только про семейство своё, жену Евфимию и детей своих покойных, помнил, молил Бога о встрече с ними на небесах! Всю жизнь у сердца хранил ладанку, любимой женой вышитую! После пострижения вскорости выправил от настоятеля

1 Чума, самая большая эпидемия XVII века в Русском царстве, была в 1554–1555 годах. Свиерпствовавала в Москве, Нижнем Новгороде, Твери, Казани, Астрахани и Ярославле. Привела к гибели половины жителей Руси

Спасо-Преображенского монастыря рекомендательное письмо и возвратился из Киева в Москву.

Молодого, деятельного монаха заметили при дворе Московского Государя. Царь Алексей Михайлович жаловал людей инициативных и преданных. В сентябре 1657 года Иоаким стал насельником, а вскоре и главным по строительному делу при возведении Валдайского Иверского монастыря. В 1661 году опальный патриарх Никон перевёл его в свой, Ново-Иерусалимский монастырь. Владыка задумал там устроить новую обитель по иерусалимским чертежам — с Гефсиманским садом, рекой Иордан, с Царскими вратами и Силоамской купелью, с Распятием Господа нашего. Авторитет даже опального патриарха был настолько велик, что крестьяне на стройке слушались его беспрекословно. Раз сказано — Гефсиманский сад, значит, быть посему! Сказано — Силоамская купель, значит, сооружаем купальню. И раз сказано — река Иордан, значит, пусть будет Иордан, хотя река эта всегда Истрой называлась.

«Эх, Владыка, Владыка Никон! — часто потом думал монах Иоаким. — Вот ведь твоя судьба — всю царскую семью от чумы спас, вовремя увёз из Москвы, а себя от царского гнева не уберёт! Царя Алексея Михайловича разозлил — и на суд, а потом по ссылкам, по разным монастырям! Ну да ладно! Хотя и суров был патриарх Никон, но нечего было норов показывать да против рожна идти! Царь-то на Руси всегда выше закона стоял! А всё — гордыня проклятая, страшный грех! Смирять себя люди не умеют!»

Затем монаха Иоакима повысили, и он стал келарем древнего Новоспасского монастыря в Москве, в котором издревле находилась усыпальница рода Романовых. Служить в Новоспасском монастыре было почётно, ведь царский род оказывал монастырю всемерную помощь, освобождал от податей и одаривал деньгами! В 1664 году Иоаким был ещё более приближён ко двору, возведён в сан архимандрита Чудова монастыря в Кремле, из-за чего снискал любовь самого царя Алексея Михайловича. Настоятель Чудова монастыря — должность видная, поэтому сблизился Иоаким со многими знатными боярами и вельможами Царства Российского, в том числе, с князьями Милославскими, окольными Фёдором Ртищевым и командиром стрелецкого войска, полковником Артамоном Матвеевым.

Доверием большим пользовался Иоаким Савелов у царя, поручал тот ему самые сложные и щепетильные дела. В 1671 году, в ноябре, пришёл по поручению царя архимандрит Чудова монастыря Иоаким «со товарищи» арестовывать боярыню Феодосию Морозову и родную сестру её, Евдокию Урусову¹, за исповедание старой, «дораскольной» веры. Ранее под предлогом недомогания боярыня Морозова отказалась от участия в свадьбе царя Алексея Михайловича и Натальи Кирилловны Нарышкиной. Отказ вызвал раздражение царя, и он затаил обиду. Долго увещевал он Феодосию Прокопьевну и сестру её, призывал отречься от старой веры и не решался отдать их в руки палачей, то одних, то других бояр к ним подсылал с уговорами, пока вовсе не озлобился. И вот, прислал к сёстрам настоятеля Чудова монастыря. Презрением ответили Иоакиму Феодосия Прокопьевна и Евдокия Прокопьевна, не встали с разобранной постели своей, лёжа отвечали на допросы будущего Патриарха.

— Ну-ка, сестрицы любезные, покажите, как вы креститесь, двумя или тремя перстами? — вопрошал пленниц Иоаким.

— Двумя! — отвечала ему Феодосия Прокопьевна. — Мы за веру отцов наших, за заветы Стоглавого собора царя Грозного, Ивана Васильевича. А кукишем — троеперстием сами креститесь, отступники!

1 Боярыня Морозова Феодосия Прокопьевна и сестра её, княгиня Урусова Евдокия Прокопьевна — видные деятели старообрядчества, духовные дочери протопопы Аввакума (Петрова)

В темнице, в кандалах держали слуги царские знатных женщин, пытали на дыбе, жгли железом калёным, добывались отречения от старой веры, но так его и не получили. Казнить царь хотел смутьянок, но побоялся бунта, гнева люда московского! К высшей знати царства Московского принадлежали боярыня Морозова и княгиня Урусова! Да и любил народ Феодосию Прокопьевну и сестру её, за милостыню, за то, что нищих привечали, за сострадание к простым людям! Видя крайнее упорство пленниц, были сосланы царём Феодосия Прокопьевна и Евдокия Прокопьевна в город Боровск, близ Калуги, и помещены в земляную яму, где и умерли от голода в 1675 году. Не кормили их слуги царские, сломить волю хотели, но в усердии своём перестарались, довели до гибели! А слуг боярыни Морозовой, четырнадцать человек, мужчин и женщин, сожгли в деревянном срубе! Боровск, Боровск, твои темницы и подземелья — Голгофа земли Русской!

В 1672 году Иоаким был, направлен на Север, в «бунташный» Великий Новгород, и возведён в сан Новгородского Митрополита. Новгородцы сперва насторожённо восприняли нового архиерея, ещё пепел от карательного похода опричников царя Ивана Грозного не остыл! Тогда древний Волхов телами убиенных горожан покрылся, красной была река от крови человеческой. Деятельный Иоаким провёл в своей епархии налоговую реформу, ввёл единую церковную дань и велел её собирать поповским старостам, отодвинув в сторону государевых служивых людей. А уж через пару лет, 26 июля 1674 года митрополит Иоаким был возведён на престол Патриархов Московских с титулом «милостию Божию Патриарх царствующего великого града Москвы и всея Руси».

Вскоре по восшествии на первосвятительскую кафедру упрямый по характеру патриарх «показал зубы», бросил самому царю Алексею Михайловичу прямой вызов тем, что в ноябре 1674 года арестовал и посадил на цепь царского исповедника, протопопа Андрея Савинова. Того самого, который царя со второй женой, Натальей Кирилловной, матушкой Петра Первого, венчал. Выл, умоывался слезами протопоп — а сидел на цепи, как кобель дворовый! Не возлюбил его патриарх Иоаким за то, что близок был Савинов к царю, а потому — заносчив, дурно влиял на него, и в быту был склонен не к молитвам, а к застольям да к скоморошечьим бесовским играм. Царь был вынужден, ввиду предъявленных свидетельств вины протопопа, просить Иоакима не передавать дело своего духовника на суд Освящённого собора. Патриарх Иоаким действительно не дал ход обвинению, ну, а когда царь Алексей Михайлович почил, тут уж он и отыгрался на славу, передал припасённое дело в церковный суд, который лишил протопопа сана, да и выслал из Москвы в северный монастырь, аж под самый Архангельск. Там протопоп и умер.

Хорошо же было то, что патриарх Иоаким искренне любил и опекал молодого царевича, а потом и царя, по-отечески относился к нему. Жалко было Фёдора, с молодых лет хворого! В начале царствования Фёдора Алексеевича патриарх Иоаким набрал великую силу и был в числе фактических правителей царства Русского наряду с дядькой царёвым, боярином Иваном Милославским.

Через два дня после происшествия в Романове патриарх Иоаким в расстроенных чувствах прибыл из Романова в Москву и сразу же направился к молодому царю.

* * *

Больной Фёдор Алексеевич грустно, тоскливо смотрел со своего ложа в окно спальни. Вроде бы всё хорошо: утро, весна, птички поют, деревья распускаются. Пасха скоро, опять окрест звон с кремлёвских церквей слышно будет. Народ православный готовится разговляться! А у самого сил-то радоваться и нет! Ноги болят, руки болят,

всё тело ломит! Вроде бы — царь ты, всеми командуешь, все людишки, большие и малые, в твоей царской воле, судьбы их — в руке твоей, а сил всё равно нет! Боже, Боже, подкажи, где силы-то взять, чтобы страной править? Тяжела ты, шапка Мономаха! Ладно, надо крепиться, с постели вставать, любимую царицу, свою беременную жену, проведать!

Недавно назначенный царём постельничий Алексей Лихачев доложил:

— Великий Государь, к Вам Патриарх Иоаким просится!

— Пусть войдёт!

Расстроенный вид прибывшего патриарха ничего хорошего не предвещал. Царь приветливо спросил:

— Владыко Святейший, что с тобой? Почему так запыхался, будто гнался кто за тобой?

— Беда, государь! Как утром с Романова приехал, так места себе и не нахожу...

— Да что случилось-то, объясни толком?!

— Соблазнил меня Абдулла, сын Сеюш-мурзы Юсупова! В грех страшный ввёл! Гусем в пост Великий накормил вместо рыбы! Я ел, думал — рыба такая вкусная, а это гусь! Чёрт бы его побрал, басурманина!

— Не поминай лукавого, Владыко, даже в сердцах! А то чёрт не его, а тебя поберёт!

— Свят, свят Господи! Прости, Великий государь, за дерзость мою! Но никак не могу успокоиться! Аж на душе тошно!

Молодой царь через силу улыбнулся:

— Надо же, Святейший, как ты опростоволосился! Вот ведь, правильно говорят — и на старуху бывает проруха! Это тебе не опального Никона под надзором держать! Ну, да ладно, ведь между нами всё и останется! Грех велик, но ведь замолишь ты его в Соборах Кремлёвских! О чём просить-то пришёл, Святейший?

— Прошу вот о чем, Великий Государь! Если любишь меня, как слугу своего верного и помощника, то — накажи Абдул-мурзу! Накажи всей суровостью закона царского! Лиши его имущества и сошли на Восток, в Казань, к единоплеменникам! Откуда вышли, пусть туда и возвращается, ногайская морда! К магометанам, наших праздников не знающим! Пусть кобыл разводит вместо государевой службы да пасёт их в степях тамошних! Самое ему там место!

— Не гневайся, Святейший, не по чину тебе! Выслать — не штука, а вот не сурово ли это?! Какой мерой меряем, такой и нам отмеряно будет! Помнишь ведь это место из Святого Евангелия!

— Помню, помню... Но, прошу тебя, Государь, накажи его! Накажи гордеца заносчивого! Иначе я ночей спать не буду!

— Ладно, Святейший, будь по-твоему! Уважу волю твою! Алексей Тимофеевич, — обратился царь к постельничему, — готовь царский указ! «Я, Государь, Царь и Великий Князь Московский и Всея Руси Федор Алексеевич, и прочая, и прочая, повелеваю — лишить Абдуллу, сына Сеюш-мурзы Юсупова, всего имущества, всех должностей и владений и выслать с семьёй в Казань за то, что ввёл в Великий Пост Святейшего патриарха Московского и Всея Руси в заблуждение! На сборы Абдул-мурзе со всеми домашними — неделя!»

На следующий день царский указ с нарочным «полетел» в Романов.

* * *

Фёдор Алексеевич Романов был третьим сыном московского государя Алексея Михайловича и царицы Марии Милославской. Имя при крещении новорождённый Фёдор получил в честь святого Феодора Стратилата, покровителя христианского

воинства, погибшего мученической смертью при римском императоре Лицинии. В марте 1669 года умерла его горячо любимая матушка Мария Ильинична, и с тех пор воспитанием восьмилетнего царевича занималась представительница древнего московского рода, боярыня Анна Петровна Хитрово.

В 1670 году к царевичу в учителя был определён посольский дьяк Памфил Белянинов, затем его сменил будущий святой Симеон Полоцкий, выходец из князей Полоцких, прививший Федору склонность к европейским обрядам и обычаям. Царевич Фёдор Романов был обучен латыни, польскому и древнегреческому языкам, хорошо разбирался в живописи и церковной музыке, имел склонность к математике и поэзии, сочинял вирши, сделал стихотворный перевод псалмов царя Давида для «Псалтыри» Симеона Полоцкого, чем очень польстил своему учителю.

Фёдор Алексеевич не хотел править и стал престолонаследником после кончины старшего брата Алексея Алексеевича, скончавшегося внезапно, без видимых причин, в возрасте шестнадцати лет. Царевич Фёдор был слаб и болезнен, впрочем, как и все сыновья Алексея Михайловича и царицы Марии Милославской. По всей видимости, Фёдор Алексеевич был болен цингой, признаком которой были искривление костей, опухшие колени и сильные отёки на ногах. Так же, как его отец Алексей Михайлович и дед Михаил Фёдорович, вступил на царский престол в юношеском, почти детском возрасте — в 15 лет. С первых дней правления проявилось свободолюбие и свободомыслие Фёдора Алексеевича. «Нравственно надо жить, нравственно и мирно с другими людьми», — эти уроки наставника своего Симеона Полоцкого царь хорошо усвоил. Свободы он любил, права хотел жителям Руси дать, наказания смягчить и подати уменьшить, а вот основу основ государства Российского — Приказ тайных дел — ненавидел, и в первую очередь его ликвидировал. Во вторую очередь, по просьбе Патриарха Иоакима, был упразднён государственный Монастырский приказ, занимавшийся налогами с церковной собственности, и функции сбора податей с монастырских и церковных имений перешли от служивых людей к Патриарху.

Фёдор Алексеевич очень любил свою первую жену, дочь смоленского дворянина из шляхты Агафью Грушецкую. Впервые царь увидел её во время Крестного хода на Вербное воскресенье. Белокожая, чернобровая, с пухлыми губками, большими умными глазами и дерзким взглядом, Агафья произвела на молодого Фёдора неизгладимое впечатление. В глаза царю посмотрела — как ножом по сердцу провела! Любовь с первого взгляда — это то, что можно было сказать про молодого царя и гордую полячку, которые во многом случайно встретились и полюбили друг друга. За брак с Грушецкой выступали ближние царя — князья Долгорукие и бояре Хитрово. Были и противники брака, Милославские, дядьки царёвы по материнской линии, которые открыто высказывали своё недовольство. Агафья Грушецкая была не знатного рода, да, к тому же, полячка! Отец её, Семён Грушецкий — дворянин перемётный, то Литве, то Руси служил, дочка тем временем на Москве у родственников ютилась! Не наша, в общем, чужая, хлопоты одни с ней!

Нашлись и клеветники, которые пытались опорочить честную девушку в глазах Фёдора, да так, что будущая царица не побоялась, сама вышла к злопыхателям и сказала, что нет на ней никакого греха, и что она в этом жизнью своей клянётся. Дознание по этому поводу было — и точно, грех не подтвердился, навет, злые языки натрепали! При решении жениться на Агафье царь проявил твёрдость, и в июле 1680 года молодых обвенчали в Успенском соборе Кремля. Свадьба прошла скромно, почти тайно, клеветники были посрамлены, а молодые ликовали, радовались своему личному счастью. Вскоре царица понесла, царь ждал первенца. Только счастье их, как цвет весенний, было очень недолгим.

Город Романов. Абдул-мурза жил после отъезда патриарха в Москву как на пороховой бочке. В ожидании сурового царского решения он был сам не свой, плохо спал, лишился аппетита, только воду пил, как с глубокого похмелья. Вот и гонец царский прискакал, зачитал царскую волю. Всё произошло, как и предполагал Абдул-мурза. Самый худший вариант развития событий — лишение имущества — ожидал его семью.

— Нурия, мне надо поговорить с тобой! — обратился Абдулла к жене.

Нурия внимательно посмотрела на мужа:

— Да, любимый, я готова тебя выслушать! Что случилось, свет очей моих?

Абдулла не торопясь, обстоятельно, со всеми подробностями рассказал Нурие о происшествии с Патриархом и о царском указе:

— Такие дела, милая моя! Лишают нас имущества и должностей, в ссылку отправляют в Казань, дорогая жена! Патриарх обиды не простил и царю нажаловался! Вот как я подвёл тебя с дочерью!

Нурия улыбнулась:

— Ну что же теперь поделывать, любимый! На всё воля Аллаха — Господа миров! Мы с тобой вместе, кое-какие деньги у нас есть, в Казани наш род известен, думаю, ты на службу и там пристроишься! Даст тебе должность воевода казанский! Не пропадём, родственники, в случае чего, помогут! Дочка жива-здоровая, слава Аллаху, как подрастёт — замуж выдадим! Что горевать-то, к своим ведь едем, на Родину!

Абдулла грустно улыбнулся:

— Слава Аллаху, говоришь! А как же нас Аллах имения, имущества лишает?! Где же здесь его милость? Я думаю вот что, Нурия! Поехать на Москву, в ноги броситься царю и патриарху, прощения испросить у них и православие принять!

Слова Абдуллы Нурие не понравились:

— Православие принять? Веру поменять? Да ты что, Абдулла, умом тронулся?! Это же вера отцов наших!!!

— Эээ, вера отцов! Многие веру меняют и тем самым положения при дворе добиваются! Вон, Урусовы — родственники наши, приняли Православие и у царя в большом почёте! Посмотри, как они крепко на Москве живут! Ведь товарищи мои, Фёдор Семёнович и Пётр Семёнович Урусовы — внуки самого Касым-мурзы! Фёдор Семёнович — самого царя свояк, на сестре царицы, Фёкле Грушецкой, женат! В Преображенском большой дом рядом с царским строит! А Пётр Семёнович — воевода на порубежных землях, в Смоленске! Как Касым-мурза¹ Православие принял, так и стал Андреем Сатыевичем, по-другому жизнь его пошла! Был Андрей Сатыевич у царя Алексея Михайловича Тишайшего в большом почёте, всю жизнь милостью царской пользовался. А ведь был сам Андрей Сатыевич родным внуком бия Орды Ногайской, великого Уруса!

Нурия по-настоящему разозлилась, её маленькие ладошки сжались в кулачки, и она гневно, повысив голос, продолжила:

— Как ты так можешь, Абдулла?! Побойся Аллаха, грозного гнева его! Ты ведь потомок Мухаммада и ведёшь свой род от Абу-Бакра², тестя Пророка. Когда Пророк, мир ему, умер и вознёсся на небо, Абу-Бакра избрали первым правителем Великого

1 Касым-мурза Урусов (1590–1647) — отправлен своим отцом, татарским князем Сатыем вместе с братьями в Москву в качестве заложников, в 1615 крещён под именем Андрея, приближён к царскому двору. Воевода Нижегородский (1636–1638), владел обширными поместьями на реке Пахре в Дмитровском уезде под Москвой

2 Халиф Абу-Бакр ас-Сиддик (573–674) — первый праведный халиф (632–634), тестя Пророка и отец его жены Аиши

халифата. Ведь все твои прашуры были в большом почёте на Востоке и правили мусульманами, Дамаском, Ираком, Персией, Египтом! И ты говоришь — от Аллаха отречься?! Веру решил сменить, оправдание себе ищешь!

Нурия села напротив Абдуллы, гневные слова так и продолжали лететь из её уст:

— Ты знаешь, дорогой муж, Аллах даёт и Аллах забирает! Когда он даёт, надо благодарить, а когда забирает, надо проявить терпение! Как в Суре «Аль-Бакара» сказано — «Мы непременно испытаем вас незначительным страхом, голодом, потерей имущества, людей и плодов. Обрадуем же только терпеливых. Которые, когда их постигает беда, говорят — мы все принадлежим Аллаху, и к нему мы вернёмся!» Ты слышишь, терпеливых! Терпеливых, Абдул-мурза! В Священном Коране сказано — люди делятся на три категории — на тех, кто искренне верит в Аллаха, на тех, кто его не признает, и на лицемеров! Прошу тебя, любимый, одумайся! Не смотри на Урусовых! Пусть кто угодно веру меняет, только не ты! Я всегда считала тебя искренне верующим, ты соблюдал намаз, все наши посты и праздники. Неужели все эти годы ты мне врал, Абдулла? Неужели ты лицемер? Неужели веру согласен поменять за подарки царские, должности и имения?!

Дело приобретало неприятный оборот! Абдул-мурза надеялся, что жена его подержит! А она стыдит его, лицемером обзывает! Ну, не бить же её, на правах мужа, в самом деле! Абдулла зло взглянул на Нурию и ответил:

— Молчи, женщина, или я разведусь с тобой! Ты идёшь против моей воли!

Нурия закрыла глаза ладонями! Слезы, горькие слёзы умыли её красивое лицо:

— Клянусь Аллахом, Абдулла, не остановишься — я сама уйду от тебя! Заберу дочь и уеду к родителям! Я выходила замуж за мусульманина, за потомка Пророка! И не буду жить с вероотступником!

На следующее утро Нурия спросил мужа:

— Абдулла, ты не одумался?!

— Нет, Нурия! Ты же знаешь — в моей жизни всё будет по-моему!

— Тогда прошу тебя, как мужа — дай мне телегу, кучера и слугу провожатого, из наших... В Казань поеду, к родителям! И дочь с собой заберу!

— Бери, что хочешь, Нурия! В семье должен быть закон, мужа ты должна чтить!

А ты не только не чтить, но и поносишь меня последними словами!

Ничего на это не ответила Нурия, только вошла в дом и тихо сказала дочери:

— Собирайся, Румиюшка! Уезжаем мы! Папа наш с ума сошёл!

Дочь спросила:

— А почему он сошёл с ума, мама? Что с ним случилось?

— Маленькая ты ещё, девочка моя! Вот подрастёшь, я тебе обязательно всё расскажу! А пока — в Казань поедем, к дедушке и бабушке!

В тот же вечер Нурия с дочерью сложили свой нехитрый скарб на телегу, взяли в сопровождение одного слугу-татарина, и кучер неспешно повёз жену и дочь Абдул-мурзы в Казань. Сам же хозяин имения сильно переживал расставание, но виду не подавал. Решил идти до конца, гнуть свою линию!

— Поживём — увидим! — подумал он, попытавшись обнять жену и дочь на прощание. Нурия плавно отстранилась от объятий мужа. — Думаю так — если царь простит и сохранит имущество, земли и крестьян, то и жена с дочерью сами ко мне вернуться! А если не сохранит и всё отнимет — то кому я нужен, нищий? Тогда на войну пойду, хоть умереть смогу с честью! Поживём — увидим, доживём — узнаем!

Оставила Нурия мужа и с дочкой Румией уехала в Казань. Жила вместе с родителями, а потом, как почили они, перебралась в глухой аул за Каму, подальше от глаз навязчивых да людских расспросов. Замуж больше она не вышла, и всю долгую жизнь

свою посвятила дочери, поднимала её, замуж отдавала да внуков нянчила. Не простила она мужу отказ от веры предков и отказалась от его помощи, когда он прислал гонца к родителям. Больше в жизни они так и не встретились!

Ну, а люди есть люди! Им лишь бы кого пообсуджать! Судачат, сплетничают, знают о нас порой больше, чем мы сами! Бывало, когда почтенная старушка Нурия шла по аулу, то вслед ей люди говорили — смотри, смотри, это бывшая жена князя Юсупова идёт! Строгая какая!

— Будет болтать-то! Какая ещё жена? Так, абийка¹ местная! — недоверчиво улыбался заезжий мужичок.

— Ээээ, дорогой, многого ты не знаешь! Это та самая княгиня, жена Абдул-мурзы Юсупова! Не простила она мужа, когда тот из-за своего положения, должностей да подарков царских из Ислама в Православие перешёл, и уехала от него в наши края! Одна фамилия у неё от мужа и осталась, да дочь-красавица! Юсупова она! Здесь, с нами живёт, а могла бы с мужем при самом императоре Петре Алексеевиче пребывать, с золотых блюд кушать! — так отвечали ему местные жители.

— Понятно, — приезжий чесал в затылке. — И не думал, что в вашем ауле есть люди с такой историей! Что же, у всех своя судьба! Дай Аллах ей долгих лет жизни!

* * *

Абдул-мурза ещё затемно выехал в Москву. Стояли торжественные недели перед Православной Пасхой, все были заняты молитвами и праздничными службами. Проскакав двести вёрст и добравшись через день до Москвы, Абдул-мурза направился на подворье Патриарха.

Служка Тимофей доложил Иоакиму:

— Владыко Святейший, к Вам Абдул-мурза Юсупов из Романова прискакал! Патриарх махнул рукой:

— Скажи ему — прочь пошёл, окаянный! Не приму я его!

— Я ему говорил, а Абдул-мурза сказал мне, что не уйдёт! Говорит — дело важное! Патриарх на мгновение задумался и сказал:

— Дело, говоришь? Ладно, пусть зайдёт, шельмец!

Абдул-мурза, попав в светлицу к Патриарху, сразу же бухнулся на колени!

— Прости меня, Святейший, не знал я про постный день! В своей вере я разбираюсь, а в Вашей — нет, вот и попутал меня шайтан! Не знал я, что так подведу тебя, Владыко!

«Надо же, гордец! На колени упал! Потомок биев ногайских! Ничего, спесь-то с тебя сойдёт!» — подумал Патриарх и ответил:

— Да как я прошу-то тебя, Абдулла?! Я царю уже доложил всё, он указ о тебе написал! Дело сделано! У меня слова с делами не расходятся!

— Прошу тебя, Святейший, умоли Великого Государя, пусть не лишает меня имущества! Я верой и правдой служить Государю Московскому и тебе буду до конца дней своих! Ну, что мне сделать для тебя? Хочешь — пожертвование большое в Церковь сделаю?! А хочешь — веру поменяю по слову твоему?! Из магометанства в христианство перейду! Покрестишь меня завтра!

Абдул-мурза от душевных переживаний и от пришедшего осознания своих страшных слов закрыл лицо руками! Патриарх недоверчиво посмотрел на своего гостя:

— Ты это серьёзно, Абдулла?! По поводу смены веры?!

— Как на духу, Владыко! У меня тоже слова с делами не расходятся!

1 Абийка (тат.) — бабушка

Что же, это меняет дело! Озадаченный и смущённый Патриарх покачал головой:

— Тогда погоди, Абдул-мурза! Тут дело Государево, тут царю доложить надо, пусть он разрешение своё царское даст! Ты вот что — жди здесь, а я быстро в палаты Кремлёвские схожу...Только никуда с моего двора не уходи!

Патриарх помчался в Кремль, к царю Фёдору Алексеевичу. Почти бежал, а сам всё думал:

— Надо же, в Православие решил перейти, хитрец! Ай да Абдул-мурза Юсупов, наследник Юсуфа Ногайского! Ну, ничего, ничего! За таким-то знатным мурзой татары по всей Руси в нашу веру потянутся! Ведь сколько народу из басурманской веры можно будет в Православную церковь перетянуть благодаря примеру Юсуповых! Не каждый день потомки биев ногайских веру сменить решают!

Быстро изложив дело царю, патриарх Иоаким ждал решения Фёдора Алексеевича. Молодой царь, тоже немного ошарашенный таким известием, пришёл в себя и сказал:

— Ну, а чего ждать-то?! Назавтра, наутро и покрести его, Святейший, пока он не передумал! Скоро пращуря нашего, благоверного князя Дмитрия Донского именины, вот и окрести его в честь князя Дмитрия! Как покрестишь, веди ко мне на приём! Мы как раз об имуществе с Абдул-мурзой Юсуповым потолкуем! Если он на такой серьёзный шаг решится, веру поменять, то, может, и не буду у него имущество-то отбирать! Полезный это шаг для всех нас, для Православия! Укрепит веру нашу в восточных землях! Как ни крути, а татары русским — первейшие помощники!

Покрестив наутро мурзу прямо в холодной, непрогретейшей после зимы Москва-реке и надев на него нательный крестик, патриарх Иоаким отправился к обеду вместе с мурзой к царю. У царя в палатах были окольный Иван Милославский и дворецкий, любимец царя Василий Одоевский. Юсупов, не стеснясь придворных, ближних бояр, бухнулся перед царём на колени! Фёдор Алексеевич, прихрамывая, встал с трона и, подойдя к новокрещённому Дмитрию, поднял и обнял его:

— Спасибо тебе, Дмитрий Сеюшевич, за шаг такой значительный! Будешь ты мне теперь в царском деле наиглавнейший помощник, особые поручения давать тебе буду! Жалую тебя светлейшим князем! Бояре мои ближние, готовьте указ! И фамилию возьми теперь соответствующую, Юсупов–Княжево! Какие просьбы у тебя ко мне имеются?!

Новокрещённый Дмитрий Сеюшевич почтительно склонил голову:

— Не отбирай моё имущество, Великий Государь! Верой и правдой служить буду, живота своего не пожалею, скажешь — на войну, в ссылку, в поход пойду, послом поеду в державу иностранную, только не забирай дарованное дедом, царём Михаилом Федоровичем и Алексеем Михайловичем, батюшкой твоим!

Царь кивнул:

— Хорошо, Дмитрий Сеюшевич, не заберу! Говорю же — князем тебя жалую! Пусть все твоё у тебя остаётся!

— Спасибо, Великий Государь!

Немного помолчав, царь спросил:

— Ну, а как теперь семья твоя? Покрестился сам — надо ведь жену крестить, детей! Детишки-то у тебя, Дмитрий Сеюшевич, есть?

— Есть дочь, Великий Государь! Румией зовут!

— Одна только дочь? Что же так, года ведь у тебя зрелые?! Ну, и когда жену и дочь крестить будешь?

— Не смогу покрестить их, Великий Государь! Не простила мне жена Нурия измены вере нашей, что Пророка, мир ему, на Господа Иисуса я променял. Забрала дочь и уехала в Казань!

— Ну и дела творятся в твоём доме, Дмитрий Сеюшевич! Что же ты, вернуть их хочешь? Скажи только! Тут же по слову твоему стрельцов за ними пошлём! Догонят и вернут обратно!

— Нет, Государь, там плохо всё! Уехала — значит, уехала! Пусть жена моя живёт, как знает! Не простила она мне! Не возьмёшь лаской, не возьмёшь и силой!

Царь Фёдор Алексеевич продолжил:

— Что же, тогда крепись, уважаемый мурза! Потерпи ради дела маленько! И не волнуйся — жену мы тебе новую найдём! Ты же теперь христианин, значит, как и не женатый вовсе! По православному обычаю новую свадьбу сыграешь! Уж чего-чего, а девок-то на Руси всегда хватало... Ещё детей тебе нарожает, Абдул-мурза! Ой, прости, прости, Дмитрий Сеюшевич! По-новому тебя надобно теперь величать!

Царь обратился к окольному, боярину Милославскому:

— Дорогой Иван Михайлович, устрой смотри невест для друга нашего Дмитрия Сеюшевича! Пусть ладную девку себе присмотрит, помоложе да подороднее, чтобы детишек нарожать смогла! А меня, если что, если какая невеста упрямитесь будет, в сваты возьми! Посмотрим, кто осмелится царю перечить! Царь вон, Иван Васильевич Грозный, как кого из вельмож своих женил, тоже в сватах ходил, не зазорным для себя считал это! Ещё благодарен мне будешь, Дмитрий Сеюшевич, что так всё у тебя образовалось!

Милославский поклонился и улыбнулся в пышную бороду:

— Будет сделано, Великий Государь! Девки нынче на Москве справные!

— Вот и ладно! — Царь сел на трон и стал растирать ноющие колени. — А теперь, ступайте, бояре, дайте мне отдохнуть. Ступай и ты, Владыко, отдыхай перед службами праздничными! А я пока пойду, царицу проводаю, на сносях она у меня! А то новостей за эти дни столько — аж голова кругом идёт!

Присутствовавшие бояре, Патриарх и новокрещённый христианин Дмитрий Юсупов поклонились царю и направились прочь из царских палат.

* * *

Вечерело. Дмитрий Сеюшевич Юсупов — Княжево после напряжённого дня воротился в свой московский дом усталым. Небольшой дом в Москве, на улице Покровка, рядом с Кремлём, принадлежал отцу, Сеюш-мурзе, ну, и перешёл к младшему сыну по наследству! Душу переполняли странные ощущения: с одной стороны, восторг — все-таки с царём, с первыми боярами пообщался, простил царь его, не стал дворцы и деревни отбирать. С другой стороны, было щемящее чувство досады, ведь веру родную предал, от Аллаха отрёкся. Некоторые муфтии говорили ему, что Бог один, верят люди по-разному в него, Писание Святое по-разному принимают, кто-то через Пророка Мухаммада, кто-то через Господа Иисуса Христа, кто-то — через Моисея. Но кто их знает, как у них там всё на небесах устроено? Кто выше, кто ниже, как Бог выглядит? При жизни-то всего этого не узнать!

Дома Дмитрия Сеюшевича ждала пустота! Он отпустил пожилого слугу-татарина, присматривающего за хозяйством, и вернулся к своим грустным мыслям. Эх, Нурия, Нурия! Да дочка Румиюшка! Бросили вы меня, уехали! Как бы тоску превозмочь, иначе всю ночь грызть будет. Ну-ка, надо пошарить по сусекам, может быть, бутылка с медовухой где заваялась! Раньше-то Дмитрий Сеюшевич к спиртному не притрагивался, как же, харам для мусульманина! А сейчас — можно всё! Зашёл в кладовую! Да, как раз есть в запасах бутыл, если в кладовке стоит — надо из неё хлебнуть... Глоток, два... Крепкая, зараза... Хмель теплом побежал по жилам Дмитрия Сеюшевича, помог расслабиться. Да, что-то крепкая медовуха, аж в ногах слабость! Ну, ничего, ничего,

привыкай, новообращённый Димирий, будешь теперь по-новому жить! Дмитрий Сеюшевич сел на лавку в сенах, прислонился головой к стене и так задремал.

Проснулся мурза от того, что ему показалось, будто в сумерках на тёмной стене напротив появились огненные буквы. Буквы были арабские, и всполохи пламени шли справа налево. Мурза читал по-арабски, многие места Священного Корана знал наизусть! Но что это происходит в доме? Вроде бы и выпил не так много, чтобы чудилось ему что-то! Протерев глаза, Дмитрий Сеюшевич упёрся взглядом в стену! Вот, вот всполох, вот буквы! Так что же, не показалось? Пишет кто-то арабкой вязью по стенам тёмным?

«Нет в мире Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад — Пророк его!» — прочитал мурза на арабском. Холодный пот пробил Дмитрия Сеюшевича, руки затряслись, волосы зашевелились на голове!

— Кто здесь? Кто здесь со мной? Кто ты, назовись! — мурзе показалось, что он закричал, что есть мочи, на самом деле из пересохшего от страха горла вырвался лишь шёпот!

— Я — Посланник Аллаха, Господа миров! — опять проступили огненные буквы.

— Ты — Пророк Мухаммад?

— Да, я — Пророк, которого ты забыл! Ты предал веру своих отцов, веру предков! Твои пращуры в Фирдаусе¹ плачут о тебе, Абдул-мурза! — огненные всполохи так и шли по стенам!

— Мир тебе, Великий Посланник! Нельзя мне было по-другому! Имущества бы меня царь русский лишил!

— Как нам Аллах Всевышний говорит — «Намереваясь сделать что-либо, подумай о последствиях. Если в них есть благо, то делай это, если блага нет — то откажись!». Какого же блага ты достиг, Абдул-мурза? Что ты выиграл, забыв нашу веру и благочестивого Аллаха? Лишили бы имущества — жизни бы никто не лишил! Не было намерения у царя русского убивать тебя! А и убил бы — ты бы мучеником стал за нашу веру, в рай попал сразу бы! Лишили тебя имущества — отдай его Аллаху, лишили жизни — и она в руках Всевышнего! Терпение — ключ от Рая! Ты должен был не сдаваться, Абдул-мурза! А ты струсил, изменник, побоялся за своё имущество! Ты пошёл не по пути веры, а по пути страха! Поэтому не обессудь, ждёт всех твоих потомков страшное наказание!

— Какое наказание, о, Великий?

— Говорю тебе от лица Аллаха — Господа миров! Много ты будешь иметь добра, Абдул-мурза Юсупов, род твой будет славен и богат! Верой и правдой ты и потомки твои служить будете царю русскому, в большом почёте и уважении жить будете. Но, так как предал ты Ислам, веру предков, то по мужской линии род твой будет на волоске висеть! Один только юноша будет доживать до двадцати шести лет, а остальных постигнет смерть в её ужасном обличье! Будешь и ты, и потомки твои будут бояться за продолжение фамилии, на тоненькой нити в каждом поколении жизнь наследников твоих будет подвешена! всю жизнь будете в достатке, и всю жизнь будете бояться! Помни об этом, предатель!

— А почему только до двадцати шести лет, о, Великий?

— Потому что это — Наказание! Твоё и рода твоего! В Священном Коране слово «Ад» встречается двадцать шесть раз, и слово «Наказание» встречается двадцать шесть раз! Твою жизнь в ад превратит твой страх за вероотступничество, и будешь ты теперь ждать наказания, и потомки твои будут ждать наказания, и избежать его никто не сможет! Гнев Аллаха на тебе! Живи и бойся, неверный!

1 Фирдаус — высший рай у мусульман

Абдул-мурза, он же Дмитрий Сеюшевич, почувствовал, что силы оставляют его! Воздуха, воздуха не хватает, дайте воздуха мне! Мутно в глазах! Рванув на себе ворот кафтана и судорожно хватая воздух ртом, Дмитрий Сеюшевич обмяк и завалился с лавки на пол!

Проснулся мурза уже засветло! Голова болела, смутные воспоминания, картинки кошмарной ночи всплывали в памяти. Вроде бы вот, и стена цела, и огненных следов никаких на ней нет! Так было что-то ночью или не было, приходил к нему Пророк Мухаммад с проклятиями или нет? Может, с усталости, или от выпитой медовухи ему это привидилось?

Подняв с пола бутыль и отхлебнув из неё, Юсупов вспомнил:

— Живи и бойся, Абдул-мурза, живи и бойся! Гнев Аллаха на тебе!..

* * *

Верно и преданно служил Дмитрий Сеюшевич Юсупов трону русскому! Когда царь Фёдор Алексеевич преставился, отошёл в мир иной, случился в 1682 году стрелецкий бунт на Москве. Восставшие на власть стрельцы поддерживали родную сестру Фёдора Алексеевича, царевну Софью Алексеевну, хотели её посадить на русское царство. Войском стрелецким были убиты два представителя рода Нарышкиных, братья царицы Иван Кириллович и Афанасий Кириллович, да ещё князя Юрий и Михаил Долго-рукие, князь Григорий Ромодановский, полковник Артамон Матвеев и боярин Иван Языков.

— Ату, ату Нарышкиных и сподвижников ихних! — кричали стрельцы. — Смерть поганым собакам!

Жестоко убивало стрелецкое войско князей да бояр, бросали их на бердыши, рубили саблями. Никто не был застрахован от гнева восставших стрельцов. Не спасали ни чины, ни звания, ни древность рода, ни наличие денег, которыми можно было бы откупиться! Тогда, видя такое бесчинство, взял Дмитрий Сеюшевич Юсупов сотню служивых московских татар и поехал охранять молодых царевичей, Петра Алексеевича и Ивана Алексеевича. Сначала в Кремль, а потом в царскую резиденцию, в село Преображенское, чтобы дурные начальники стрелецкие по усердию своему случайно наследников не прибили. Так и охранял их со своими воинами, не подпускал к ним никого, пока всё не успокоилось.

Царь Фёдор Алексеевич сдержал своё слово! Боярин Иван Милославский подобрал князю Юсупову новую невесту, боярыню Екатерину Сумарокову, дочь царского стольника, девку чернобровую да складную! И родила ему Екатерина трёх сыновей: Григория, Матвея и Ивана. Боялся Дмитрий Сеюшевич, жил и боялся, что помрут детки его. Но Бог пожалел Димитрия, прожил он недолго и смерти детей своих не увидел. За заботами многими, царской службой и воинскими ранами, почил мурза Дмитрий Сеюшевич в 1694 году.

А грозное проклятие рода Юсуповых начало сбываться только в следующем столетии, в бурном «осмнадцатом веке», веке завоеваний императора Петра Алексеевича, века строительства Санкт-Петербурга, создания мощной армии и русского флота, века процветания наук и искусств в Государстве Российском! И из-за проклятия этого до зрелых лет дожил только Григорий Дмитриевич, близкий друг царя Петра Первого, генерал, сенатор, возглавлявший военную коллегию, провиантскую и интендантскую части. Хвалили Григория Дмитриевича Юсупова при жизни, как прямого и честного человека, верного друга и царёва слугу, а из недостатков современники отмечали его непомерную страсть к вину, к «возлиянию кубков», которую можно было объяснить

страхом, всю жизнь сидевшим в роду Юсуповых, из-за того нелёгкого выбора, который когда-то сделал их недальновидный предок!

Годы шли, а наследники семьи Юсуповых всё умирали и умирали. Кто в младенчестве, кто в отрочестве, кто погиб на дуэли, кто на ратной службе, кто в походе. Девочки тоже умирали, но гораздо реже, в основном смерть в семью Юсуповых приходила по мужской линии.

Невесела была и судьба царя Фёдора Алексеевича! Царь очень ждал появления долгожданного наследника. Жена Агафья Грушецкая понесла вскоре после свадьбы. К Пасхе 1681 года срок был уже большим, по всем приметам должен был родиться мальчик, молодой царь пребывал в нетерпении, в ожидании торжественного события.

Маленький сын царя Фёдора, Илья, родился 11 июля 1681 года. Молодая царица Агафья Семёновна чувствовала себя плохо и скончалась на третий день после родов от стремительно развившейся послеродовой горячки. А царский сын, маленький Илюшка, скончался на десятый день после рождения. Горе, горе, страшное горе! Гнев Господень обрушился на молодого царя! И без того некрепкий здоровьем Фёдор совсем обезумел от горечи утраты и слёг в Кремле. У царя не нашлось даже сил, чтобы проводить свою жену и новорождённого сына в последний путь. Самого царя еле выходили иностранные врачи, от пережитого он сам чуть не отдал Богу душу.

Судачили на Москве людишки — гнев-де Господень на семье царской! Гнев за грехи, за жестокость по отношению к старому, «дораскольному» обряду православия! Ведь большое беспокойство царю Фёдору доставляли представители старой веры, особенно мучил воду неистовый, «огненный» протопоп Аввакум¹. Аввакума и в далёкую ссылку отправляли, в Сибирь, за Байкал, на Нерчу-реку, со всем своим семейством, и голодом морили, и в тюрьме держали, и в преклонные годы услали на самый край русской земли, в город Пустозёрск на Крайнем Севере, за полторы тысячи вёрст от Москвы. А он всё никак не успокаивался, и голод терпел, и детишек своих, двух сыновей, в Забайкалье схоронил, и побои переносил от царёвых слуг! Но не смирялся Аввакум, всё слал своим духовным чадам подбадривающие письма да крамольные грамоты, в которых всячески поносил батюшку царя, Алексея Михайловича Тишайшего, да Патриарха Никона, будь он неладен со своими реформами! Царь Фёдор хоть и сам был слаб здоровьем, однако же, сильно злился на протопопу. Письма да грамотки подмётные с крамольными рисунками, найденные в Москве, в самом Кремле, были последней каплей, переполнившей чашу царского терпения!

— Сжечь! Сжечь протопопу в срубе! Всю державу мне перемотил! — ожесточился царь и тут же подписал указ. Посланные стрельцы долго ехали до Пустозёрска и неохотно выполнили это поручение Фёдора Алексеевича! Ну, что же поделаешь — служба! Сожгли Аввакума с тремя товарищами!

Немного придя в себя от перенесённого горя, Фёдор Алексеевич поддался уговорам ближних вельмож и решил жениться во второй раз. Второй брак царя был заключён 15 февраля 1682 года с Марфой Апраксиной из знаменитого дворянского рода, родной сестрой будущего адмирала Фёдора Матвеевича Апраксина, сподвижника Петра Великого. Думали — молодая жена жизнь в царя вдохнёт! Но в итоге царь Фёдор Алексеевич так и не смог оправиться и почил через два месяца после венчания вторым браком, 27 апреля 1682 года, ровно через две недели после сожжённого по приказу царя протопопу Аввакума! Говорили царю — не казни протопопу, помилуй!

¹ Протопоп Аввакум Петров (1620–1682) — видный деятель русского старообрядчества. Казнён по приказу царя Фёдора Алексеевича

его, голос он старой веры, уложений Стоглавого собора! А как протопопа Аввакума сожгли — так царь-то и помре!

К новоявленной царице Марфе Фёдор Алексеевич так и не притронулся, и родить она не смогла. После союза, который продлился всего лишь два месяца, и смерти мужа, Марфа Матвеевна приняла постриг в монастыре и прожила долгую жизнь невесты Христовой, скончавшись лишь в царствование императора Петра Алексеевича.

После смерти Фёдора претендентами на трон остались только Софья-царевна да молодой Петруша с его потешными полками. Всё боролись за власть они! Брат Петруши и Софьи, Иван Алексеевич, хоть и считался главным претендентом на престол, но глубоко больным был. Будущий Великий царь Пётр Первый свою сестру одолел и в Новодевичий монастырь заточил, а стрелецкое войско, на которое царевна опиралась, навовсе упразднил, показнил стрельцов многих! Лично головы топором рубил воеводам стрелецким! И не последнюю роль в становлении царя Петра сыграли Юсуповы, во всём поддерживавшие молодого и жестокого властителя — Царя, ради дела, ради новой жизни не щадившего ни себя, ни подданных своих, неистово работавшего, то кузнецом, то токарем, то плотником на строительстве флота. Царя, переделавшего все устои русской жизни, перевернувшего Россию — матушку с ног на голову, гнавшего русскую Историю вперёд, как скакуна в длительном походе!

ЭПИЛОГ

Санкт-Петербург, февраль 1835 года, дворец на Набережной реки Мойки. В спальне роскошного дворца, принадлежащего Юсуповым, княгиня Зинаида Юсупова, урождённая Нарышкина, дочь камергера Ивана Дмитриевича Нарышкина и первая красавица императорского двора, зимним вечером укладывала своего семилетнего сына Коленьку спать. Мальчика что-то беспокоило, и его состояние отражалось на настроении Зинаиды Ивановны.

— Ну что ты, малыш? Надо поспать! — ласковая мама гладила кудрявого малыша по головке. — Почему не спишь-то, Николя? Давай, милый, поспи! Хочешь, сказочку тебе прочитаю на ночь? Про остров Буян и славного царя Салтана?!

— Нет, не хочу! — Мальчик от мамы отвернулся к стене.

Шли минуты, часы, время приближались к полуночи! И мужа, князя Бориса Николаевича, всё не было! Говорил, что должен был в Москву уехать по царёву поручению! А может, на службе задержался, или в салон какой-нибудь карточный заехал, мадеру пить да в преферанс играть! Деловые переговоры так у него проходят! За карточным столом!

Маленький Коленька всё не засыпал. Пыхтя и ворочаясь, мальчик спросил:

— Мамулечка, любимая моя, можно с тобой поговорить?!

— Да, конечно, милый! Что беспокоит тебя?

— Мама, мне рассказали один секрет про нашу семью!

— Что за секрет, скажи мне! Люди всегда говорят, Николя, и надо злое отличать от доброго! Что же тебе сказали, мальчик мой?

— Про проклятие!

У Зинаиды Ивановны всё похолодело в душе!!! И до малыша слухи добрались! Кто же это ему проболтался, ведь запрещено об этом говорить у Юсуповых?!

— Какое проклятие, маленький мой, мой сахарочек?

— Про проклятие нашей семьи, мама, которое было наложено на наших предков, прадедушек и прабабушек! Я не совсем понял, о чём идёт речь! Расскажи мне!

— Я не знаю, милый! Это всё злые языки! Не слушай никого! А кто это сказал тебе, Николая?

— Не скажу, мама! Мне сказали по секрету, и я обещал не говорить никому! Помнишь, ты говорила, моя сестричка маленькая умерла? Мне сказали, что это из-за проклятья! Мама, прошу, не рожай мне больше братиков и сестёр! Я не хочу умирать!

Маленький Коля заплакал и прижался к груди Зинаиды Ивановны!

— Успокойся, маленький! Тише, тише! Спи, мой малыш, спи, засыпай! Пусть тебе сны хорошие снятся! Не слушай никого, это всё злые языки! Злые языки, злые люди всегда сочиняют о нас всякие небылицы! Спи малыш! Мама с тобой, мама не даст тебя в обиду!

Малыш поплакал, поплакал и мирно засопел!

— Спи, малыш, спи!

Зинаида Ивановна прямо в платье, не переодевшись для сна, обняла малыша и задремала рядом!

На следующее утро Зинаида Ивановна за завтраком спросила пришедшую утром няню мальчика, Глафиру:

— Глафира Сергеевна, скажите мне, любезная, с кем играет наш Коленька, кто это ему такие страсти про нашу семью рассказывает?

— Не знаю, сиятельнейшая Зинаида Ивановна! Вроде бы в доме никого посторонних не было! Вчера мы занимались уроками, сначала правописанием, потом с гувернёром, мсье Валери — языками, немецким и французским, а потом Коленька во дворе играл со сверстниками, с мальчишками Вашей прислуги! Даже не знаю, кто и что мог ему сказать!

— Хорошо, Глафира Сергеевна, тогда позовите мне повариху и мажордома!

Учинив скорый допрос поварихи и управляющего, так ничего и не выяснив, Зинаида Ивановна подумала:

— Ну, хватит с нас страстей! Надо юного Николая оградить от сплетен и наветов! Увести его надо с Санкт-Петербурга! В Архангельское¹, в наше имение с ним поеду!

Мужа дома так и не было. Зинаида Ивановна в расстроенных чувствах набросала Борису Николаевичу короткое письмо: «Милый мой муженёк, где же ты прохлаждаешься?! Пока ты отсутствуешь дома, нашему сыну Николаю вливают в уши всякие грязные сплетни и слухи про историю нашей семьи, от которых наш ребёнок не может спать! Сообщаю тебе, mon chéri, что с сегодняшнего дня больше не буду делить с тобой супружеское ложе! А если ты недоволен и обвиняешь меня в неисполнении супружеского долга, то знай же — я не хочу рожать мертвецов! О проклятии рода Вашего я ничего не знала, когда замуж за тебя выходила! А для удовлетворения твоей светлейшей похоти, думаю, поищи себе другую партию! В конце концов, крепостных у нас много, поэтому для Ваших светлейших утех подойдут и дворовые девки!»

Вызвав повторно управляющего, властная Зинаида Ивановна сказала:

— Снаряжайте карету, милейший! В Архангельское поеду!

— Бырыня, да как так-то? Холодно же ещё на улице! Ехать-то далеко!

— Ни дня здесь не задержусь! Коленьку хочу от грязных слухов и сплетен уберечь! А Борису Николаевичу я письмо в спальне оставила! Поэтому — решено, мы с Коленькой едем!

Когда вечером того же дня светлейший князь Борис Николаевич Юсупов, выпивоха и игрок, завсегдатай карточных салонов, всё же появился дома, он первым делом спросил управляющего:

1 Архангельское — усадьба под Москвой, принадлежащая роду Юсуповых

— А где княгиня с сыном?

Мажордом, заикаясь, выдал из себя:

— Дык, светлейший Борис Николаевич, уехали они-с с сыном! До полудня ещё! В Москву, в Архангельское!

— Да что ты такое говоришь, любезный?! Холодно ведь! Зимняя дорога, простудится сынок-то наш! И княгиня заболеть может!

— Зинаида Ивановна Вам письмо оставили-с в спальне! Сказали-с, что ни минуты здесь не задержатся! Собралась княгиня с сыном и уехала! Будто разозлило её что-то!

— Ладно, иди! А я почитаю, что написала она мне!

Прочитав записку, Борис Николаевич в досаде смял её и бросил в камин! Эх, жёнушка, жёнушка! Молодая, красивая, как богиня греческая, и недоступная! А кого винить-то?! Зинаиду Ивановну-то не обвинишь, она вон как после смерти новорождённой дочки мучилась, ночи напролёт не спала, почернела, обрыдалась вся! Не княгиню винить надо, а своего предка далёкого! Дмитрия Сеюшевича, будь он неладен!

Коленька, кудрявый малыш, крестник самого Императора Николая Павловича, когда подрос и стал юношей, в начале 1852 года, в возрасте двадцати пяти лет, увлёкся своей кузиной, фрейлиной императорского двора Татьяной Александровной Рибопьер. Многие выступали против этого брака, в том числе, матушка, княгиня Зинаида Ивановна, да и сам крёстный отец, император Николай Первый. Дабы не допустить порочащих молодёжь поступков, царь приказал арестовать Николая Юсупова и выслать для прохождения службы на Кавказ. Лишь в 1856 году, презрев гнев близких, молодые смогли тайно обвенчаться. Святейший синод Православной церкви возбудил дело по факту незаконного венчания, но за молодых заступился сам император Александр Второй, взошедший на трон после смерти батюшки, Николая Павловича. Благодаря заступничеству царя супругов оставили в покое.

За время брака у Николая и Татьяны Юсуповых родилось трое детей: дочери, старшая — Зинаида, младшая — Татьяна и сын Борис, который умер в младенчестве. В 1879 году в возрасте 49 лет умерла горячо любимая супруга Татьяна Александровна, в 1888 году в возрасте 22 лет от тифа умерла младшая дочь Татьяна. Николай Борисович Юсупов, не имевший наследника по мужской линии, был вынужден обратиться с прошением к царю о передаче фамилии, титула и герба рода Юсуповых мужу своей дочери Зинаиды, графу Феликсу Сумарокову-Эльстону. Правящая династия одобрила прошение с условием исполнения лишь после смерти Николая Борисовича.

Скончался царский крестник Николай Борисович Юсупов 19 июля 1891 года от разрыва сердца в живописном курортном местечке Германии Баден-Баден. Тело последнего из рода Юсуповых было доставлено в Санкт-Петербург, где было предано земле на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

Таким образом, род Юсуповых впервые угас уже в 1891 году, через 210 лет после проклятия! Последним Юсуповым по мужской линии, в чьих жилах текла кровь Юсуф-мурзы Ногайского, был царский крестник Николай Борисович. Вот только проклятие от этого не перестало действовать!

В браке Зинаиды и Феликса Сумароковых-Эльстонов родилось четыре мальчика, из которых до совершеннолетия дожили только двое. Старший из выживших, Николай Феликсович Юсупов, был убит на дуэли в возрасте 25 лет. Молодой человек был горячо влюблён и защищал честь женщины! Младший сын Феликс Феликсович Юсупов дожил до преклонных лет и вошёл в историю благодаря своей причастности к убийству «друга» царской семьи Григория Распутина в 1916 году. Убийство произошло как раз во дворце Юсуповых на Мойке.

Феликс Юсупов женился на принцессе Ирине, племяннице последнего русского императора Николая Второго. После убийства Распутина Феликс Юсупов в наказание был сослан в Крым, но вернулся в Санкт-Петербург во время Февральской революции 1917 года. Он забрал с собой некоторые из своих самых ценных картин и фамильные драгоценности. В апреле 1919 года они с супругой уехали из России в Париж, чтобы больше никогда не вернуться.

— Прочь из России, ледяной пустыни, по которой, аки зверь рыкающий, ходит лихой человек!¹ — перефразировав известную фразу, записал в своём дневнике Феликс Феликсович.

Их дочь, тоже Ирина, вышла замуж за потомка графа Шереметьева, Николая, в их браке в 1942 году родилась дочь Ксения. К чести рода Юсуповых, князь Феликс Юсупов наотрез отказался сотрудничать с нацистским режимом в годы Второй мировой войны, даже ради возвращения на Родину, и его имя не могло быть использовано геббельсовской пропагандой в войне против СССР.

— Отчества не предам! — так решил для себя наследник знаменитого рода.

Феликс Феликсович Юсупов скончался в Париже в 1967 году, его жена Ирина Александровна — спустя три года, в 1970 году, они упокоены в одной могиле на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Так род Юсуповых прервался по мужской линии во второй раз! Принцесса Ирина Феликсовна Юсупова умерла 30 августа 1983 года в местечке Кормейе во Франции. В настоящее время Ксения Юсупова-Шереметева-Сфири проживает с мужем, дочерью и двумя внучками, Марилией и Жасмин, в Греции. Они, спустя семьдесят два года после отъезда из России Феликса и Ирины Юсуповых, приезжали на бывшую Родину, чтобы прикоснуться к истории своих знаменитых предков.

Прошли века, пролетели годы... Сейчас уже никто не может сказать, было ли проклятье князей Юсуповых реальным фактом, или же это просто красивая семейная легенда. Эта история учит нас тому, дорогой Читатель, что нельзя предавать традиции своей семьи, своего рода, своих близких. Иначе, если такое предательство всё же осуществляется, высшие силы могут воздать человеку по его деяниям. «Твои грехи — твои молитвы», — так говорят мудрые люди! Каждый сам будет держать ответ на высшем Суде за свои дела! Как видно из примера князей Юсуповых, целый род замаливал грех своего предка, и, всё равно, семейных трагедий было не избежать! Славен был род Юсуповых в российской истории, много полезного сделали Юсуповы для нашей страны. Филантропы, благотворители, покровители искусств! Воины, дипломаты, строители! Тем поучительнее легенда о роковой встрече Юсуповых с таинственным, о проклятии их рода, о высших, божественных силах, которые управляют людскими судьбами и воздают Человеку сообразно его поступкам!

P. S. Во время работы над повестью я ознакомился с книгой коллектива авторов памяти Раисы Мартыновой-Давлетбаевой (1951–2017 гг.) «Помни имя своё. Первая мировая война, её забытые герои, их судьбы», изданной в Набережных Челнах в 2018 году. К сожалению, я не был лично знаком с Раисой Ахтямовной. При знакомстве с деятельностью этой удивительной женщины поражаешься её работоспособности, любви к истории России и родного края, её педагогической работой, благотворительной деятельностью в отношении представителей литературы и искусства. Так вот, сразу к делу...Уважаемая Раиса Ахтямовна утверждала, что она из рода князей

1 Данная фраза принадлежит Обер-прокурору Святейшего Синода, русскому правоведа, профессору Константину Петровичу Победоносцеву (1827–1907)

Юсуповых, а именно — она потомок Бореньки, сына Николая Борисовича Юсупова-младшего. Из книги «Помни имя своё», из очерка Анатолия Дубровского «Давлетбаевы — потомки Юсуповых»: «Раиса Ахтямовна приводит рассказ своей бабушки Шамсези-хан о великой тайне своего рода: „Запомни, что я тебе скажу: мы из рода Юсуповых. Наш род знатнее и богаче царского рода Романовых. Мой отец Асылгарей (дед Раисы Ахтямовны — **А. Дубровский**) родной сын Николая Борисовича Юсупова-младшего».

И тут ещё раз вспомним великого Михаила Афанасьевича Булгакова и его бессмертный роман. Как мы помним, возлюбленная Мастера Маргарита, жившая в Москве, оказалась прапрапраправнучкой королевы Франции.

— Ах, королева, — игриво трещал Коровьев, — вопросы крови — самые сложные вопросы в мире! И если бы расспросить некоторых прабабушек и в особенности тех из них, что пользовались репутацией смиренниц, удивительнейшие тайны открылись бы, уважаемая Маргарита Николаевна. Я ничуть не погрешу, если, говоря об этом, упомяну о причудливо тасуемой колоде карт. Есть вещи, в которых совершенно недействительны ни сословные перегородки, ни даже границы между государствами. Намекну: одна из французских королев, жившая в шестнадцатом веке, надо полагать, очень изумилась бы, если бы кто-нибудь сказал ей, что её прелестную прапрапраправнучку я, по прошествии многих лет, буду вести под руку в Москве по бальным залам.

Итак, по версии близких и самой Раисы Ахтямовны, сын Николая Юсупова-младшего и его жены Татьяны Александровны Рибопьер, Борис Николаевич, не умер во младенчестве от болезни, а был вывезен к своим родственникам в далёкую Уфимскую губернию, в деревню Иляксаз Альметь-Муллинской волости Мензелинского уезда под именем Асылгарая.

Из книги «Помни имя своё», из очерка Раисы Давлетбаевой «Семейная тайна»: «В зрелые годы Асылгарай был назначен уфимским генерал-губернатором земским участковым начальником. Эта административно-судебная должность занималась, как правило, потомственными дворянами. Асылгарай развернул бурную деятельность в области торговли, имел четыре торговые лавки, приносившие стабильный доход. По архивным данным, в 1878 году, в возрасте двадцати четырёх лет, Асылгарай женился на местной красавице Хасбиямал. От этого брака появились на свет четверо детей: три дочери и сын. Из четверых детей Асылгарая выделим ...Шамсезихан (родилась в 1893 году) — это моя будущая бабушка. Далее глава семьи Асылгарай продолжал государственную службу и одновременно занимался предпринимательством. Деревенская молва утверждала, что в голодные 1899–1900 годы Асылгарай ездил к Юсуповым в Архангельское (под Москвой) за материальной помощью, и якобы в помощи ему было отказано. Но это молва. Никто не знает и никогда не узнает, с чем Асылгарай возвращался из Архангельского. На обратном пути, как говорят односельчане, он был утоплен в полынье речки Мелекески у деревни Суксы, что недалеко от Бережных Челнов. Что это: обыкновенное разбойное нападение или спланированное убийство? Кому это было надо? Опять — вопрос без ответа».

В книге «Помни имя своё» приводятся документальные свидетельства визита Асылгарая в усадьбу Юсуповых Архангельское и фотографии встречи в Елабуге, в 2012 году Раисы Ахтямовны с Ксенией Николаевной Юсуповой — Сфири, проживающей сейчас с семьёй в Греции.

Данная история кому-то может показаться фантастической. Почему молодого Бореньку, официально умершего, но на самом деле выжившего, Юсуповы отправили под Уфу? По одной из версий, он родился у Татьяны Александровны Рибопьер раньше срока, что тогда было неприемлемо, по другой — его обратили из Православия в Ислам, чтобы снять родовое проклятие Юсуповых...Возможно ли такое?

По своему опыту исследователя и человека, пишущего на исторические темы, в чреде исторических событий, меняющих друг друга, удивляться ничему нельзя. Не имея доступа к архивным документам, пойдём экспертным методом, методом аналогии! И в российской, и с мировой истории есть немало тайн, удивительных открытий, совпадений, происшествий, удивительных союзов и трагедий, которые, с точки зрения человека разумного, никак не могли бы случиться, но они случаются! Вот лишь две таких истории в качестве примера, одна — из царской России, другая — из королевства Франция.

Многим исследователям девятнадцатого столетия известна история о таинственной смерти царя Александра Первого и появлении в Томской губернии святого старца Фёдора Кузьмича, который был удивительно похож на покойного царя и знал многие придворные нравы и обычаи. Если это неправда, то сразу отметём подобную версию. Но, если есть сомнения, то вот доводы за правдивость данной истории. Отметим, что первоначально к Победе в Отечественной войне 1812 года над Наполеоном Бонапартом особых предпосылок не было, и многие представители российского царского двора уже подумывали сдаться на милость властелина Франции. Лишь царь Александр Первый поручил всё Промыслу Божьему и продолжал с несколькими приближёнными людьми молиться о ниспослании победы русскому оружию. И, о чудо! — Победа случилась. После этого царь впал в религиозный мистицизм и всё чаще задумывался остаток своей жизни посвятить Богу. Кроме того, у Александра Первого была ещё одна веская причина «отойти от царских дел» — это убийство его батюшки Павла Первого в результате заговора в марте 1801 года. Сначала был план — склонить Павла Первого к отречению в пользу сына, и Александр Павлович оказался втянут в заговор. Но потом, когда в Михайловском замке в Санкт-Петербурге произошло ужасное, царь Александр весь остаток жизни каялся об убиенном батюшке. Биографы Александра Первого оправдывали его — «он не думал, что дойдёт до убийства!». Имея с одной стороны, такой камень в душе, боль, с которой человек живёт всю жизнь, с другой — радостью Великой Победы над 600-тысячным войском Наполеона, царь дал обет — стать скитальцем ради Христа. Для этого была инсценирована его смерть в Таганроге в ноябре 1825 года, а сам он под видом Фёдора Кузьмича отправился в Сибирь, в далёкий Томск, где его ждала совсем другая судьба, другая жизнь. Хоронили царя Александра Первого в Петропавловской крепости Санкт-Петербурга в закрытом гробу. А мощи святого старца Фёдора, которого при его жизни многие признавали за Императора, в настоящее время пребывают в Томске, в Богородице-Алексеевском монастыре, он чтим в лике Сибирских святых. Разве это не удивительная история?

Другая, не менее знаменитая и таинственная история переносит нас в XVII век, в средневековую Францию, в правление Людовика XIV, прозванного «Король-Солнце». В эти годы, сначала в Париже, в Бастилии, а затем в тюрьме городка Пиньероль близ Турина находился таинственный узник, к которому был приставлен один и тот же страж. 34 года, до самой своей смерти, был узник в заточении, и все 34 года его охранял один и тот же человек, тюремщик Бенинь Доверн де Сен-Мар. Перед смертью узника опять перевели в Бастилию. Он скончался 19 ноября 1703 года и был похоронен на тюремном кладбище под именем «Марчиали». Личные вещи покойного сожгли, в камере расковыряли стены и разобрали пол, чтобы не осталось каких-либо надписей или замурованных записок. Кто был узником — доподлинно неизвестно, поскольку документальных свидетельств о нём почти не сохранилось, сохранился лишь тюремный номер 64489001, а чтобы никто не видел его лица — узник носил маску. Кто-то говорил, что маска эта из плотного чёрного бархата, а кто-то — что она из железа!

Известный писатель и философ Вольтер в своём втором издании «Вопросов к Энциклопедии» (1771 год) как раз и выдвинул версию, что узник носил не бархатную, а железную маску, и что под этой маской скрывался брат короля Людовика XIV. Человек в железной маске как исторический персонаж оказал большое влияние на историко-приключенческую литературу. Он упоминается в романе «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя» Александра Дюма-отца, где также утверждается, что таинственным узником Бастилии был брат-близнец «Короля-Солнце» Людовика XIV. А в своей серии «Знаменитые преступления», в главе «Человек в железной маске», Александр Дюма представил список всех возможных теорий по поводу того, кем был загадочный пленник французской короны.

Поэтому, дорогой Читатель, чего только не бывает в истории человечества! И удивляться, увы, ничему нельзя! На мой взгляд, вполне можно допустить, что «Семейная тайна» Раисы Давлетбаевой — настоящий исторический факт, а факт, как известно — самая упрямая в мире вещь. Вспомним ещё раз знаменитый роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», в котором так «причудливо тасуется колода»! Если российский Император Александр Первый, победитель Наполеона, раскаялся и добровольно покинул трон, а просвещённый французский король Людовик XIV, строитель Версаля, на которого равнялась и которому подражала вся средневековая Европа, заточил своего родного брата на всю жизнь в тюрьму, то почему же древний род Юсуповых, пытаясь избавиться от родового проклятья, не мог отправить своего наследника Бориса Николаевича на малую родину, на землю предков под именем Асылгарая, чтобы прервать трагический ход своей судьбы? Таинственная гибель Асылгарая может только подтвердить данную версию! Может быть, придёт время, и эта тайна рода Юсуповых будет раскрыта.

